

С. Навагин

Қақ там қотиқи

Как там котики

За стеклом ходили странные фигуры в белых, почти космических, скафандрах. Их лица было не разглядеть. Они перемещались, как в кино, беззвучно. Только видно, как они суетились, возили каталки, носили пробирки.

А в стерильном боксе было холодно и гулко. Пищали приборы мониторинга, и тихо жужжал аппарат вентиляции легких. Секунды превращались в минуты, минуты в часы, но ничего нового не происходило. Кроме борьбы, которую вел организм, но уже не совсем самостоятельно.

Точнее, он уже и не боролся, а покорно позволял аппарату ИВЛ продлить эту странную жизнь еще немного, на ограниченное количество минут, а может часов. Сколько их еще осталось?

Захотелось откинуть простыню, вскочить, выдернуть из вены катетер капельницы, одним махом скинуть с груди присоски кардиографа и, распахнув окно, полной грудью вдохнуть воздух с запахами весны, дождя и шумного города. И закричать что-нибудь.

Но окна тут не открывались. И руки были привязаны бинтами к койке, а в глотку был заправлен дыхательный гофрированный шланг, соединяющий тело с этим миром живых. Шланг больно давил на защемленную им губу, но об том уже невозможно было никому сказать, даже если бы кто-то был рядом. И неизвестно, что более докучало, эта боль или общая боль всего разрушенного вирусом организма.

Оставалось мысленно оградиться от всего этого и уйти в себя, в мысли, в воспоминания.

А какие мысли могут быть? Как заставить себя отвлечься от того, чего каждый ждет и боится всю жизнь? Ну да, рановато, конечно, вот так, нелепо. На койке, в проводах и трубках.

Но с другой стороны, вообще удивительно, что удалось дотянуть почти до старости. Ну ладно, не до старости, конечно, но до вполне пожилого возраста. Можно и так сказать.

Он скосил глаза и увидел свое отражение в полоске нержавеющей стали на корпусе прибора.

Ну да, немного морщин, серые круги под глазами и седая щетина на впалых щеках. Так себе картина, и вполне тянет на пожилого.

Так что, вроде и грех жаловаться. Сто раз уже жизнь могла оборваться и раньше.

Эти гонки на машинах, где один нерассчитанный миллиметр мог отправить к праотцам в пиджаке из гнutoго железа. А если вспомнить, как бобмбил ночами на дедовом жигулёнке с курсантских времен, вплоть до заката 90-х, то и вообще, уже жалеешь, что не ставил свечку Николае Морскому каждый день. Спасал старик тебя, видать, безвозмездно, и даже не за спасибо.

И малярия, и африканская чума с мухами цэцэ миновали. Вот ведь, организм был крепкий – от укуса этой «цэцэ» только шрам остался. И нож бандита порвал только рубашку.

А сколько раз в шторм кренометр на мостике показывал нам забавные цифры, которые означали:

«Допивайте свой кофе, кто как может, и пора начинать прощаться всем коллективом». И зерно горело в трюмах в Атлантике.

Но не сложилось, шутили, «рожденный быть повешенным, утонуть не может».

Может быть, лучше это было тогда? Да нет, конечно. Спасибо, тебе старик с седой окладистой бородой, сверху смотрящий лик с иконы в углу собора Александра Невского. Жизнь получилась достаточно интересной.

Вот уже и внуки родились. Интересно, какими вырастут?

Жаль только, что второй раз не женился. Не за себя жаль, конечно...

Да, и кстати, кто там остался с котиками?

Воздух, нагоняемый поршнем ИВЛ, стал почему-то горячее. Или это стало горячо за ребрами? И чуть-чуть больнее.

Мысли стали путаться, а образы размываться и исчезать.

Раздался писк сигнализации системы мониторинга...

«Рота, подъем! Приготовиться к построению!»

Вскочив пулей, натягивая тельник, он прислушивался к странной сумятице в голове.

Сегодня было трудно проснуться после вчерашней увольнительной в город. Голова гудела от вчерашней пьянки в «Жуках» и тяжелого, похожего на горячий гудрон, сна. Но времени подробнее вспоминать сон не было, и вот уже десятки курсантских ботинок в унисон ухают по гравийной дорожке.

Что-то промелькнуло в памяти...

И стараясь не сбить дыхание:

- Макс, слышишь, приснилось чо! Во сне видел себя, в отражении, с седой бородой! В проводах и шлангах!

- Пить меньше надо! Электроник, бя!

